

A woman with dark hair and large hoop earrings is the central figure. She is wearing a vibrant red, long-sleeved lace dress with black lace detailing at the shoulders and cuffs. She holds a single red rose in her right hand, which is raised towards her face. Her gaze is directed towards the camera with a subtle, enigmatic expression. The background is a solid, deep black, which makes the red of her dress and the rose stand out prominently. The lighting is soft, highlighting the texture of the lace and the contours of her face.

Григорий Кац

МОШЕННИК
ИЗ БАГДАДА

Григорий Кац

Мошенник из Багдада

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26712661
ISBN 9785448580161*

Аннотация

Удивительные и увлекательные приключения «турецкого» Остапа Бендера на пути из Багдада через всю Европу прямо в одесскую тюрьму. Что будет дальше с нашим героем?.. Невозможно оторваться, не дочитав! Повесть написана в легкой, ироничной манере с привкусом восточного колорита. Тут намешаны и шпионские страсти, и любовь, и путешествия с цыганским табором. Прочтите эту книжку, чтобы поднять себе настроение, порадоваться красоте этого мира и удивиться причудам людских характеров.

Содержание

Мошенник из Багдада, или юность Остапа	5
Обращение к Читателю от Автора	6
Незнакомые слова, встречающиеся в книге	8
Часть первая	10
Пролог	10
Глава первая	12
Глава вторая	18
Рассказ Айше	21
Глава третья	25
Рассказ Бориса	29
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	49
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мошенник из Багдада

Григорий Кац

© Григорий Кац, 2017

ISBN 978-5-4485-8016-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мошенник из Багдада, или юность Остапа Неправдивая повесть

Автор Григорий Кац.

Перевод с фарси Эд. Лэнгри.

Обращение к Читателю от Автора

Дорогой незнакомый друг. Беря в руки эту книгу, не ищи в ней исторических сравнений, правдивых дат или знакомых имен среди наших персонажей. Книга написана слогом, нормами и орфографией, принятыми в те благодатные времена, когда вера в Аллаха не превратилась еще в знамя войны и мести. Когда история Шехерезады, в произведении «Тысяча и одна ночь» была еще условно-бытовым чтивом, разрешенным на Востоке, славившимся своей Скромностью, Праведностью, Мудростью и Целомудрием.

Мне посчастливилось найти эту рукопись, вы не поверите, в Центральной библиотеке Академии Наук СССР. Какие-то умники подложили рукопись под шкаф, чтобы тот не качался. Я с трудом вытащил ее, отряхнул от пыли и начал читать. Как обычно бывает с авторами, половину не понял, потому что рукопись была написана на трех языках: фарси, турецком (латиницей) и русском. Пришлось найти переводчика, знающего все три языка. Я отдал ему свои черновики и оригинал, и попросил сделать подстрочный перевод. Затем постарался облечь все это в более или менее литературную форму и то, что получилось, предлагаю вашему вниманию. Я постарался сохранить все кальки с подстрочного перевода, чтобы передать колорит автора рукописи. Видимо, эту рукопись когда-то использовали, потому что я обнаружил, что

попытка создать из восточного хитреца, описанного в ней – образ известного российского афериста и проходимца середины 30-х годов – Остапа Бендера, в знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова, – это попытка показать условия, при которых главный персонаж становится на путь обмана и афер. У каждого афериста свой путь, но мотивация, история, происхождение и внутренний мир у каждого разные. Праведниками не рождаются, а становятся, по мере отсутствия возможности жить по правилам и законам...

Незнакомые слова, встречающиеся в книге

Оглы – сын.

Ибн – отчество.

Чауш – погонщик верблюдов или ослов.

Дувал – глинобитный забор.

Машаллах – слава богу.

Иншаллах – не дай бог.

Хаммам – баня.

Имам – духовный сан.

Караван-сарай – гостиница.

Андарун – женская половина дома.

Кади – судья.

Хаким – врач.

Бану – главная жена или хозяйка гарема.

Шахзаде – сын падишаха.

Ферраш – палач.

Хиджаб – женская накидка в мусульманских странах.

Ага – господин.

Наиб – хозяин.

Зиндан – шахская тюрьма.

Тамдыр – открытая печь.

Меснед – трон падишаха.

Ханум – госпожа.

Диван – кабинет министров шаха.

Мулла – служитель мечети, учитель.

Харам – запрет, нарушение.

Адат – матримониальный закон.

Ваххабиты – вероотступники-мусульмане.

Дяли ханум – сумасшедшая баба.

Муаллым – учитель.

Часть первая

Пролог

Недавно мне стукнуло девяносто. Именно стукнуло, потому что если в молодости – годы текут медленно, а уже в конце жизни – бегут, как сумасшедшие. Не знаю, сколько еще Аллах, наш Господь, в своей милости даст мне пожить на этом свете, но, если честно, я устал от бесконечной старости, которая живет со мной вот уже много лет, принося с собой немощь, болезни, скорбь и страдания. Я видел начало нового века, крушение империй, отречения от тронов, убийство царей, политическую кражу государств и континентов, жизнь и смерть политиков и монархов, взлет и падение великих начинаний. Я прожил большую жизнь и с нетерпением жду встречи со Всевышним. Некоторые философы говорят себе в утешение, что всякая пора жизни хороша, убеждая людей не сожалеть о прожитых годах. Я вам скажу – они неправы. Самая лучшая пора жизни – это юность и молодость. Пусть ошибки, пусть глупые фантазии. Но ты молод и востребован. Тебя любят за то, что ты есть. В тебя верят и тебя ждут. Хорошо сказал известный поэт: «Молодость – это сон. Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». Лучше и не скажешь. Вы простите мне мои стариковские бредни. Я

хочу рассказать вам о моих самых юных годах, когда я был молод и смел. И знал, что был в состоянии свернуть горы...

О моей взрослой, сознательной жизни вы, наверное, читали в увлекательных романах Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Не могу сказать, что там абсолютная правда, но ребята точно описали ситуацию, в которой я оказался, выйдя из новой советской тюрьмы, без друзей и знакомых, с одним яблоком в кармане, которое – и то отдал голодному беспризорному. Это была абсолютная правда. А остальное – фантазия авторов. В своих воспоминаниях я хочу вам рассказать о своей юности и молодости, где я еще не был Остапом, а меня звали Юсуф, а вот отчество и фамилию мои авторы уже переделали на русский манер. Но думаю, хватит предисловий – приглашаю вас окунуться в Багдад начала 20-го века...

Глава первая

История моего знаменитого рождения. Мой отец – Ибрагим Паша-Оглы Русави Бендер. Детство в цирюльне. Скорбная кончина моего отца. Раздел наследства. Совет умного человека. Я покидаю Багдад. Старый знакомый.

Я родился в семье моего отца, который был успешным брадобреем в цирюльне, возле ворот самой крупной караванной дороги Багдада – Аль-Вастани. Я был единственным сыном знаменитого Ибрагима Паша-Оглы Русави Бендера, через руки которого провалилось тысячи голов правоверных. Ежедневно и в жару, и в холод отец вставал в четыре утра и шел открывать свою цирюльню. Отец из экономии не нанимал служку, и обязанности помощника выполняла моя мать, а потом, когда я немного подрос, этим стал заниматься ваш покорный слуга.

За несколько лет работы служкой я основательно изучил искусство брадобрея и перенял все повадки моего отца, когда он обслуживал посетителей цирюльни. С раннего утра до позднего вечера возле дверей толпились пилигримы, то есть путешественники из других областей огромной Османской Империи, прибывавшие караванами с сотней верблюдов и лошаков, чтобы поклониться святыням. Многочисленные чауши, разгружавшие товары в караван-сарай, находя-

щийся неподалеку, выстраивались, как обычно, в живую очередь и сидели под дувалами караван-сарая в ожидании своего часа – оказаться в умелых руках моего отца.

Уже с десятилетнего возраста я успешно брил головы самым знаменитым имамам, приезжавшим поклониться мощам в Золотой Купол. А уже немного позднее, когда отец уже перестал видеть и отличать бритвы от ножниц – мы поменялись местами. И теперь мой отец, знаменитый Ибрагим Паша-Оглы Русави Бендер, исполнял обязанности моего служки, подогревая воду и поднося полотенца. Попутно отец развлекал посетителей цирюльни занимательными историями о том, как он в молодости был в плену у русских, демонстрировал знание русского языка, говоря, что русские стреляли заколдованными пулями, и часто повторял, что он высокого происхождения: Ибрагим Бендер ибн-дурак, ибн-стой, ибн-буду-стрелять, ибн-валет, ибн-проклятый-перс, – и происходил из рода чуть ли не русской царицы. Посетители качали головами и цокали языками, слушая разглагольствования моего отца, отдавая должное высокому его происхождению, которого ни подтвердить, ни опровергнуть они не в силах, потому что не понимали по-русски ни слова. Более того, они и не сомневались в сказанном моим отцом, потому что ни они сами, ни отцы их, ни отцы их отцов и слухом не слышали про заколдованные пули, и уважали святость моего отца, цирюльня которого находилась в самом центре мусульманской святыни – возле мечети Золотой Купол. Ма-

шаллах.

Вскоре слава обо мне прокатилась по всему Багдаду, потому что, кроме работы в цирюльне, я был мастер разминания плеч и спин правоверных в хаммаме, используя для этих целей разные перчатки, собственного производства. Вскоре отец мой Ибрагим Паша-Оглы Русави Бендер скончался, да будет дорога его в рай устлана розами, и я стал единовластным владельцем его наследства и, как я предполагал, приличной суммы денег, которые отец, будучи разумным в тра-тах, копил всю жизнь. Так как я не знал особо грамоте, хотя несколько лет посещал медресе, я пригласил помочь разделить наследство отца между мной и моей матерью близкого друга моего покойного отца – учителя, имама Шафи.

Закрыв лавку, мы с учителем принялись считать полотенца, утварь в цирюльне, ковры и имущество в доме. Когда с этим было покончено, – я перешел на женскую половину, где жила моя мать, и попросил ее принести котелки с динарами, в которые отец складывал заработанные деньги. Однако мать моя Зарифа-ханум, накинув на себя скорбное покрывало, вышла из андаруна с проклятиями в адрес учителя и меня, говоря, что отец, несмотря на свою известность в Багдаде, всю жизнь оставался бедным человеком и не заработал ни копейки. Учитель сразу смекнул, в чем дело, и попытался подсчитать все расходы и доходы моего отца более чем за сорокалетнюю работу в главном караван-сараяе, возле ворот Аль-Вастани, где всегда толпились желающие по-

брить свои головы у человека, славившегося своим почтением к Аллаху. Ничего не добившись, учитель ушел, оставив недовольство моей матери ко мне, со словами: «Машаллах, ага; утром я принесу вам хорошую весть». Ободренный этими словами, я пошел спать и не видел, как учитель поздней ночью проскользнул в андарун моей матери и вскоре вышел оттуда с небольшим мешочком в руках.

Наутро, едва рассвело, учитель снова явился для составления описи денежного имущества моего покойного отца. Выслушав, как водится, проклятья моей матери, учитель показал мне свои расчеты и заверил, что мать была права, и наше с ней имущество, которое следует разделить, составляет всего пять тысяч туманов. Естественно, потребовав десятую часть за подсчеты.

Со скорбным видом я пошел к моему давнему приятелю, участнику моих детских игр, а ныне охраннику главных ворот караван-сарая Мамеду-Оглы. Мамед успокоил меня насчет подсчетов и сказал, что по его мнению, мой покойный отец был весьма прижимистым и брил по двадцати, а иногда и больше голов в день. Вместе, помножив эти головы на почти сорокалетнюю службу моего отца, выходило, что в андаруне у матери отец накопил около сорока тысяч туманов. Первым порывом моим было немедленно обратиться к кадию, но Мамед-Оглы остановил меня, сказав правдивые слова: кадии и муллы – самые вороватые правоверные на свете. Кадий обдерет тебя как липку, а ты накличешь на себя ве-

ликий позор, что судишься с матерью. «Иншаллах. Бери то, что тебе дают и благодари Аллаха, что ты жив, имеешь профессию и можешь прокормить себя в любое время. Видимо, Аллаху не было угодно, чтобы ты жил в Багдаде и занимался этим ремеслом».

«Машаллах», – сказал я в ответ и поступил так, как было сказано.

Придя в дом, где я провел свое беззаботное детство, я понял, что ремесло брадобрёя мне опостылело, и что я достоин лучшего применения, по воле Аллаха. Воспрянув духом и выйдя на улицу, я увидел старого знакомого моего отца, которому покойный часто брил голову в надежде почерпнуть у него немного учености. Это был хаким Осман, главный врач шахского дворца.

Поговорив о том, о сем, помолившись за душу почившего, который в этот час уже наслаждается с гуриями в саду Аллаха, благородный хаким, ученость которого покрывает всю земную поверхность Османской Империи, вникнув в мои сетования на жизнь, предложил мне место его помощника, тем более, что я владел мастерством улаживать головы правоверных своими бритвами. Смекнув, что я, находясь ежеминутно под рукой, могу быть полезен и в качестве его брадобрёя, и одновременно исполнять мелкие поручения по дому, а иногда прислуживать его гостям. Платы он не установил мне никакой, давая понять, что ученость, которую я приобрету, находясь рядом с ним, стоит гораздо дороже презрен-

ных туманов, часть из которых, после раздела с матушкой, звенела в моем кошельке.

Глава вторая

Ученые размышления. Искусство лекаря. Первая любовь. Хаким выгоняет меня с проклятиями. Бедственное положение. Неожиданное знакомство.

Дом знаменитого хакима, находился в двух шагах от шахского дворца. И это понятно. Стареющий кровопроливец, падишах Селим, нуждался в постоянных советах ученого хакима, а особенно в его пилюлях, которые, по словам шаха, основательно поддерживали крепость его чресел. В доме хакима был богатый андарун, где царствовала бану и куча ее прислужниц. Бану, толстая и сварливая баба, ни во что не ставила своего ученого супруга, называя его коновалом, сыном башмачника. И вправду, хаким был пятым сыном третьей жены покойного продавца обуви на знаменитом багдадском рынке Сук-ас-Сарай. Свою ученость и звание хакима Осман приобрел, учась в медресе и работая в юности на полях сражений, вынося из-под огня раненых и убитых. Поговаривали, что однажды ему удалось вытащить из-под пуль русских самого шахзаде, который в благодарность привел хакима во дворец.

Мои обязанности в качестве помощника хакима были не обременительные, так как сам хаким постоянно находился в отлучке, во дворце. В его отсутствие я исполнял обя-

занности хакима для его многочисленных клиентов, которые приходили к доктору за пилюлями. С наигранной важностью, перенятой у Османа, подражая его уверткам, я ощущал пульс больных, осматривал языки, – и с присущим мне нахальством выписывал пилюли, которые изготавливал тут же из хины и воды, иногда добавляя в смесь немного красителя. Не знаю, как действовало мое лекарство, но клянусь Аллахом, никто из них не приходил повторно с целью взять взамен другое. Попутно мне приходилось подметать и поливать двор, следить за приготовлением пищи и прислуживать гостям хакима, который вслух расхваливал мои способности к врачеванию, а главное – похвалялся моими умениями как брадобрея и банщика. Короче, жизнь моя протекала довольно сытно, но я, как молодой и горячий скакун, не мог удовлетвориться таким положением, и с вожделением смотрел, когда из андаруна выйдет бану со своими прислужницами. Одна из них, сероглазая Айше, сразу приглянулась мне и, встретившись с ней взглядом, я понял, что смогу быть обласкан ее прелестями.

Как оказалось, Айше, была куплена моим хозяином на невольничьем рынке. Она прекрасно танцевала, искусно владела кистью и знала несколько языков. Говорят, что ее выкрали цыгане еще в детстве, обучили своим уловкам и продали, как им казалось, в шахский дворец, потому что распорядитель торгов сказал цыганам, что хаким Осман, вероятно, покупает Айше для шахского гарема. Сам же хаким

Осман, любитель «клубнички», наверняка уже строил себе грандиозные планы по воцарению в своем гареме сероглазой Айше, но грозная, сварливая ханум, бану хакимовского гарема, воспротивилась этому, оставив Айше в качестве прислужницы, и строго следила, чтобы Осман не покушался на «честь» своей покупки. Молодая, горячая кровь Айше в таком разе не имела достойного выхода, поэтому ей приходилось постоянно ссориться и ругаться с другими прислужницами, иногда даже с самой бану, за что получала наказания от черной девушки, исполнявшей в гареме обязанности ферраша. Ничего этого хаким Осман не видел, так как не часто заглядывал в свой гарем, изредка удовлетворяясь только своей бану, главной распорядительницей хозяйственной жизни дома Османа.

Как-то раз, поднявшись на крышу османовского дома, я увидел там Айше без хиджаба, с распущенными косами, раскладывавшую постиранное белье. Заговорить с незнакомой девушкой – это харам, и нарушившего может ожидать жестокое наказание, поэтому я начал петь какую-то песню вполголоса, но так, чтобы девушка слышала. Услышав, что Айше стала мне подпевать, я осмелел и пытался заговорить стихами поэта: «Роза, ты цветок какого сада?», на что услышал ответ: «Зачахнет роза без родниковой воды, если нет рядом поливальщика». Я приосанился, потому что и сам знал, что мои короткие, хорошо подстриженные усы, статная фигура, широкие плечи часто привлекали быстрые, как молния,

взгляды женщин, сделанные из-под хиджабов.

Айше ответила мне стихами другого поэта: «Ночь спустилась, заснули птицы». Я понял призыв, и когда в доме все стихло, мигом оказался на крыше. Девушка сидела без покрывала, играя своими желтыми косичками. Без лишних слов я обнял Айше и поцелуями покрыл ее стыдливый протест. А так как прыть моя не знала предела, то Айше, поддавшись силе природы, безвольно отдалась мне, сладко постанывая. Насытившись друг другом, мы сели рядышком, и она коротко рассказала мне про свое детство и юность.

Рассказ Айше

Ее выкрали в младенческом возрасте из дома родителей, зажиточных молдаван или румын. Табор кочевал по Бессарабии, занимаясь обычным цыганским ремеслом: кражей лошадей, гаданием на всем, что попадет под руки глупым гусыням, европейкам; пением, танцами на свадьбах, городских ярмарках и в домах богатых россиян, малороссов, поляков и всех, кто имел возможность платить. Айше, как все цыганские дети, с детства училась воровать, выпрашивать подаяние, гадать на картах, скакать на лошадях и танцевать. Переезжая с места на место, пытливая девочка внимательно прислушивалась к чужой речи, перенимала говор, и в короткий срок уже болтала на языке той страны, куда судьба забрасывала табор. Она жила, росла, на вольных хлебах, мерз-

нув зимой и парясь от жары летом. Необычная ее внешность для цыган была приманкой для российских сельских помещиков, желавших получить юную белобрысую цыганку себе в горничные, служанки, а иногда и в любовницы. Айше с удовольствием играла в эти игры, с полуслова понимая своего барона – старого, седого цыгана Ромуальда. Айше с ложной притворной скромностью переходила из рук барона в руки помещика, плакала и делала вид, что ей неприятно покидать табор. Барон получал за Айше приличные деньги, а Айше, пометив быстрым глазом все тайные места, куда прячутся ценности, выкрадывала их часть, подкладывая некоторые к другим обитателям дома, и через какое-то время исчезала, оставляя жандармам разбираться с пропажей.

Так продолжалось до недавнего времени, пока Ромуальда не поймали в каком-то селе на краже очередной пары лошадей, где селяне забили его и его сына до смерти. Табор распался, многие разбрелись кто куда. Остатки, спасаясь от преследований конкурентов (среди цыган, оказывается, такое тоже есть), оказались в Османской Империи. Трое цыган, сговорившись, связали Айшу, избили и привезли на невольнический рынок, где продали старому хакиму.

Поддавшись какому-то порыву, Айша рассказала, что в гареме хакима она заметила все места, где ханум прячет свои украшения, и, если Юсуф-аге будет угодно, она может их выкрасть для общей выгоды. Выслушав все это из уст сладкоголосой Айше, я ни о чем другом не думал, кроме ее

прелестей. Она, заметив это, поднялась с места и, договорившись о встрече в следующий раз, исчезла в темноте.

Вскоре бану заметила, что ее прислужница часто исчезает из дому в ночи, и заставила других обитательниц гарема проследить за Айше. Те, из мести, что Айше удовлетворяет свою страсть — в отличие от них самих, изнывающих от скуки и нерастраченных сил, заметили нарушительницу; и бану, взобравшись на крышу, «накрыла» наши ночные свидания. Разбудив Османа—агу, она приказала тому немедленно удалить меня из дома. Расстроенный хаким был вынужден на словах грозно отчитать меня за прелюбодеяние, а позднее посетовал, что он сам бы не прочь оказаться на моем месте. Айше привычно перенесла наказание ферраша — удары палкой по пяткам, а меня хаким удалил, предупредив, что я обязан ему жизнью за то, что забрался в чужой гарем. У правоверных так не положено. За это, можно запросто лишиться головы. Но благодаря тому, что я усердно лечил больных в его отсутствие, и в память о моем покойном отце, хаким Осман удалил меня, приказав никогда не появляться впредь в его обществе. Так бесславно закончилась моя любовная эпопея, которая все же оставила след в моей голове — с понятиями, что на земле есть богатые и глупые люди, готовые расставаться со своими деньгами и ценностями за пустые обещания и глупые фантазии, сказанные серьезным тоном. Машаллах!

Но очутившись без дома и без работы, я оказался в отча-

янном положении. Домой к матери мне ход был запрещен, цирюльню я продал. Из тех туманов, что оставались у меня после раздела имущества, осталась лишь малая толика. На дворе был новый век. Жизнь менялась на глазах. Есть ли шанс удержаться на плаву, не скатившись до воровства или зиндана? Но Аллах не оставил меня без своей поддержки, машаллах. Решив после всех пережитых дней пойти в баню, я познакомился там с необычным человеком, сыгравшим в дальнейшем особую партию в моей судьбе.

Глава третья

Знакомство в бане с деловым человеком. Откровенные сравнения, сделанные мной в доме неверия. Душевный разговор. Я становлюсь секретарем российского посольства. Встреча с шахом. Мой бывший хозяин оказывает мне знаки почтения.

Раздевшись в полном одиночестве, я зашел в хаммам и увидел там лишь одного посетителя. Это был здоровенный рыжий детина, яростно плескавшийся в еще теплой воде. Я выбрал себе уголок и, помолившись, зашел в воду. Незнакомец поздоровался со мной на персидском, и по его интонации я понял, что это приезжий, каких в последнее время в Багдаде становилось все больше с каждым днем.

– Ага, – вежливо сказал я, – пусть Аллах продлит ваши годы на целый век, да не уменьшится никогда ваша тень, поведайте мне, откуда вы изволили приехать в Багдад?

Незнакомец вежливо ответил мне, что он прибыл из России по делам, но только сегодня вышел из пограничного зиндана, куда его засадили на целую неделю из-за карантина. И что он зашел в хаммам, чтобы смыть тюремную накипь, которая остается на теле человека, находящегося в тюрьме.

Рыжий детина, в свою очередь, поинтересовался, где я изволю работать, и мне пришлось рассказать ему про то,

как хаким Осман застал меня с его невольницей и прогнал прочь. Незнакомец посмеялся над этой ситуацией, а я, в свою очередь, продемонстрировал ему свои способности ублажать людские спины перчаткой, каковая была у меня всегда наготове в мешке. Окончив мытье, мы вышли вместе, и незнакомец, назвавшийся Борисом, пригласил меня выпить кофий в одной из многочисленных кофеен, находящихся рядом с баней.

На свету я рассмотрел своего нового приятеля и обнаружил, что лицо его покрыто шрамами, у него была небольшая рыжая борода, и ростом он был гораздо более меня, хотя Аллах наградил меня недюжинными телесами. Борис довольно прилично говорил по-персидски, из чего я сделал вывод, что он изъездил Османскую Империю вдоль и поперек. Как оказалось, он приехал в Багдад по делам какой-то фирмы, строить железную дорогу, но по его поведению и повадкам я понял, что рыжий чего-то недоговаривает. Узнав что мне негде ночевать, Борис пригласил меня в новый караван-сарай, который имел название «Империа́л».

До сих пор мне не приходилось бывать в центре Багдада, так как я последний год провел безвылазно в доме Османа-аги, а до этого в своей лавке, что расположена возле главных ворот, корпел над головами правоверных, которым приспичило побрить головы на багдадский манер. Богатство и убранство «Империа́ла» меня поразило. Я видел издали шахский дворец, и думал, что всё золото мира сосредото-

чено в нем. Но увидев огромные золотые светильники, выходявшие прямо из потолка, золоченые перила на широких ступенях, я понял, что дом хакима, да и сам шахский дворец построены в те давние времена, когда строительные материалы делались вручную, и никто не имел понятия об электричестве; а заезжать на царский двор на конях или ослах было великой привилегией. Это уже потом какие-то иноземцы привезли, по воле Аллаха, в Багдад электричество. Но откуда оно берется и как работает – ни отец мой, ни я понятия не имели.

Из документов у меня была лишь свинцовая печать с выцарапанной надписью про мое имя и занятие. Служка на широкой доске, которая имела название «рисепшн-деск» (которое я смог запомнить с трудом) с сомнением посмотрел на печать, но пропустил меня на лестницу.

Жилище Бориса состояло из нескольких комнат: одна для сна, другая для омовений и одна для отправления естественных надобностей. Борис, да пребудет с ним Аллах, начал с того, что ознакомил меня с самой маленькой комнатой, где вместо принятой в Ираке ямы с положенной поперек доской, находился белый широкий сосуд с водой, которая с быстротой молнии смывала все содержимое моего желудка. Далее Борис, да продлит Аллах его годы, показал мне, для чего рядом с сосудом имелся белый рулон бумаги, предназначенный для обтираний и омовения рук после облегчения желудка. По древней персидской традиции эти омовения пра-

воверные осуществляли песком. Эти премудрости, распространенные у неверных, немного покоробили меня, но делать нечего. Хочешь быть волком – надевай волчью шкуру.

После этого Борис изволил показать мне комнату для омоений. Тут меня ожидал сюрприз, но я не подал виду, что это меня насторожило. В комнате был огромный белый сосуд, куда можно было положить и лошадь. Но самое главное – из одного из кранов текла горячая вода. А где находился слугитель, который разжигал тамдыр и подогревал воду, Борис мне не сказал. Еще один прибор, который изобрел для неверных, видимо, сам шайтан, да провалится он в самое далекое отделение ада, – это коробка на столе, которую Борис называл телефоном. Разломив его пополам, Борис что-то проговорил в одно из отделений и вернул его на место. Я, каюсь, не настолько сведущий в силе Корана, и к муфтиям и прочим муллам, отношусь как к приложению, необходимому для моей работы, будь то работа брадобрея или помощника лекаря. Любой правоверный, начиная какое-то дело, обязан помолиться Аллаху, чтобы Он держал свою руку на пульсе его занятий, и доказать, что это Ему угодно. Тем более, брея много лет головы мулл, я не видел разницы между лбами слугителей Аллаха и простыми погонщиками верблюдов. Но шайтан и тут продолжал меня испытывать, хотя я понимал, что, связавшись с неверными, я сам становлюсь им подобным, поощряя дом неверия, в котором очутился. Это относится к тому, что дверь в комнаты внезапно отворилась,

и служитель вкатил на столике пищу, о которой мы с Борисом только что говорили. Это уже было выше моих сил, и я временно оказался без сознания.

Рассказ Бориса

Придя в себя, я потребовал от Бориса объяснений, и вот что услышал. Османская Империя существует давно. Падишахи меняются, но политика страны основана на внутренних проблемах, без учета позиций других стран. В Европе бушует Мировая война и зреют восстания. В самой России могут быть серьезные перемены. Англия, настроена превратить Османскую Империю в свою колонию. В Багдаде же все идет по старинке. Вы далеки от цивилизации. Даже Турция, где живут ваши единоверцы, давно участвует в европейской политике. Поэтому для тебя, — это относилось ко мне, — все условия цивилизации в новинку. Тут нет никаких шайтанов. Так живут во всем мире. Привыкай, пользуйся и быстрее переходи на современный лад. Тебе нужно поменять одежду, обувь, учить языки и стать на путь цивилизации.

На мой немой вопрос Борис ответил: «Ты мне нравишься, Юсуф, тем более мне нужен хороший помощник. Ты молод, силен, знаешь людей, довольно образован. Я подумываю о том, чтобы сделать из тебя секретаря посольства». У меня перехватило дух! Машаллах! Слава Аллаху, вот это подарок! Из простого брадобрея и помощника лекаря, составлявшего

однообразные рецепты из хины и арычной воды, Аллах позволит мне стать секретарем посольства! Машаллах и трижды Машаллах! Но это я произнес про себя, ничем не смутив Бориса, который ждал моего ответа.

– Не знаю, наиб, справлюсь ли я? Правда, в детстве я ходил в медресе, могу составить фетву по примеру муллы, зато совсем не умею считать и умножать, путаюсь в цифрах и не могу понять половины тех слов, что вы изволили наговорить мне тут. У меня красивый почерк, и по-русски я знаю лишь несколько слов. Если Аллаху будет угодно, да продлит он ваши лета на многие века, думаете ли вы, что я могу выучиться, чтобы достойно занять место, о котором вы говорите?

– Ты переживаешь напрасно, Юсуф. Российское посольство очень обширно, и секретарей в посольстве десятки. Но если честно, половина из них не имеют твоей хватки и быстроты мысли. Ты схватываешь всё на лету, и я думаю, у тебя большое будущее. Мы сегодня же начнем изучать русские письма и главные фразы, которые тебе понадобятся завтра, будучи представленным послу, господину графу фон Готлибу. Думаю, он согласится с моим мнением.

Я еще трижды поздравил себя с такой новостью. Машаллах. Аллах велик, и Мохаммед пророк его.

Ночь мы с Борисом посвятили изучению русского языка. Оказалось, что это совсем не трудно. Благодаря моей хватке и понятиям, как молния, – под утро я уже сносно срисовываю

вал своим красивым почерком русские фразы из Евангелия, то есть Корана для неверных. Попутно Борис пытался рассказать мне, что Бог всех неверных есть Иисус, но как он одновременно может быть сразу в трех лицах – я так и не понял. И как он после казни смог отодвинуть надгробный камень и подняться в небо, и оттуда приходить на землю, оставаясь невидимым, мне тоже было непонятно. Я отнес весь этот бред на счёт незнания неверными законов природы, что умершие правоверные, попадают на небо и предстают перед Аллахом, где Он отправляет праведников в сад к девственницам, которые тех ублажают, а остальных направляет в отделение ада, где бедолаги мучаются до конца света. Но, несмотря на очевидное невежество неверных в вопросах истинной веры, под утро я смог почти без акцента произнести свое имя, отбросив по просьбе Бориса свое происхождение: ибн-дурак, ибн-стой-кто-идёт и прочее, оставив короткое, как кафтан бедного туркмена: Юсуф Бендер, разрешив, правда, использовать один раз имя моего отца – ибн Ибрагим.

Наутро мы с Борисом зашли в лавку армянина, который торговал рядом с караван-сараям, и купили мне черное облачение по названию «кустюм». Он состоял из шаровар до пола и кафтана на каких-то монетах, продаваемых в специальные дыры. Еще Борис заставил меня примерить белое облачение, по примеру усопших, и жесткие штиблеты под названием «тупли». Облачившись в этот наряд, я счел себя почти

неверным, и с сожалением отдал армянину свою персидскую одежду. И даже чалму, которая прикрывала мою голову летом и зимой, придавая мне вид святости. Вместо чалмы армянин Вагиф выдал мне шляпу, такую же, как те, которыми все неверные покрывают свои головы — и снимают их при входе в помещение, как будто входят в баню. В таком виде мне предстояло войти пред светлые очи графа фон Готлиба.

Но тут шайтан сыграл со мной злую шутку. В посольстве привратник приказал нам с Борисом ехать немедленно в шахский дворец на представительство, где соберутся все послы Европы. Борис только усмехнулся, но разговор с привратником, говорившим по—русски, с шашкой и в высокой папахе, мне не передал. И только сказал, что граф фон Готлиб ждет нас в шахском дворце. Услышав сказанное, первым моим порывом было содрать с себя неверный «кустюм» и бежать куда глаза глядят. Как? Мне, простому брадобрею, вчерашнему помощнику хакима, предстать перед грозными глазами владыки Османской Империи? Да я тут же должен упасть замертво, едва его взгляд упадет на меня. Иншаллах!

Но механическая карета без лошадей и ослов уже стояла возле посольства, и мне ничего не оставалось, как протиснуться внутрь за моим наибом. Я был как в полусне, и всё происходящее происходило как бы вне моего сознания.

Борис представил меня своему наibu — графу фон Готлибу, но тот не успел ничего ответить, как вошел шах, и глашатай объявил все его регалии. Я услышал, что шах — владе-

лец всей земной поверхности, морей и континентов, что он ужасный кровопроливец, завоевавший пол-мира.

Зала приема послов была полна народу, стоявшего в таких же черных одеяниях, как будто на похоронах. И когда шах сел на свой меснед, передние послы тоже сели на стулья, расставленные вдоль стен, а персонал, в том числе и мы с Борисом, остались стоять под стенами, словно погонщики верблюдов, ожидавшие своей очереди у цирюльника. Среди свиты падишаха я без труда разглядел моего бывшего хозяина, хакима Османа. Тот, обводя глазами зал, уперся своими черными глазами в меня и от удивления открыл рот. Таким образом, мы глядели друг на друга, и мне ничего не оставалось, как вежливо, поклоном, приветствовать Османа. Тот, не отводя глаз, что-то сказал сидящему рядом мирзе, видимо – сотруднику шахского дивана, и я подумал, что после представления буду схвачен солдатами и отправлен в зиндан.

Глава четвертая

Я начинаю верить в свою звезду. Посол граф фон Готлиб. Первое поручение. Встреча со старым знакомым. Хитрость старого мирзы. Горькие раздумья. Аллах посылает мне помощь.

Однако мои опасения были напрасными. Хаким Осман дождался выхода нашей делегации из приемной залы и, оставив меня, вежливо осведомился о состоянии моего кейфа. Вдруг я стал «Вашей милостью», и он был «всегда для моих услуг», и чтобы тень моя никогда не уменьшалась, и что прошлая работа со мной была счастьем. Поговорили мы с минутой, и я наслушался лестных для меня оборотов. Мимо прошел граф фон Готлиб и, обратив внимание на нашу непринужденную беседу, сказал что-то по-русски находящемуся при нем Борису. Борис кивнул и сказал мне по-персидски, что его светлость желает поговорить со мной возле входа во дворец. Видя отношение господина посла ко мне, хаким предпочел наскоро попрощаться со мной, упомянув напоследок, что он всегда будет рад и счастлив видеть меня в своем присутствии. Мне ли, бездомному, выгнанному с работы с позором, бедному брадобрею, который посягнул на имущество хакима Османа, быть неблагодарным к деяниям самого Аллаха, которого я попросил держать свою руку на мо-

ей голове.

Я отошел в сторону и жарко помолился за милость Аллаха, а облегченный – вышел на двор, где меня ждал граф фон Готлиб и мой наиб Борис. Посол без лишних слов пригласил меня в свой экипаж, который назывался автомобиль. Этот автомобиль был гораздо просторнее, чем тот, на котором я ехал с Борисом. Борис при сем был в качестве толмача и переводил быструю речь посла на персидский.

Речь графа состояла только из вопросов, на которые мне предстояло ответить. Во-первых, откуда я веду знакомство с доверенным мирзой падишаха, хакимом Османом? Во-вторых, насколько я близок с мирзой и вхож ли во дворец? Готов ли я выполнять секретные поручения посла? И наконец граф строгим голосом сказал, что если я шпион падишаха, то он прикажет зажарить меня на медленном огне и тушу мою завернуть в свиную шкуру, чтобы Аллах отверг меня от себя на веки вечные. При его последних словах я горько заплакал, потому что правоверному нельзя приближаться к проклятому животному, свинье, тем более после смерти предстать перед Создателем, оказавшим мне столько милостей, в таком неподобающем виде.

Видя мои слезы и узнав у Бориса их причину, граф фон Готлиб смягчился и сказал, чтобы я подготовил меморандум на мои вопросы и представил ему не позднее завтрашнего дня.

Мы с Борисом покинули колесницу посла и отправились

в караван-сарай пешком. По дороге мы завернули в посольство, и Борис показал мне мое рабочее место. В комнате было человек пятнадцать пустодомов, которые строчили что-то на больших листах бумаги. Пройдя далее к кассиру, Борис сказал, что мне установлена плата – двадцать туманов в месяц плюс квартирные. Аванс, который его светлость кассир выдал мне, был как раз кстати, так как карманы мои после покупки «кустюма» и «пуфеля» были пусты.

Придя в караван-сарай, Борис первым делом рассказал, как мне поступать, если потребуется говорить по-русски. Он указал простой способ – писать арабскими буквами все то, что я хочу сказать по-русски. Мы тут же принялись за составление меморандума, и Аллах опять оказался на моей стороне. Все, что я пересказал Борису по-персидски, он по буквам заставил меня записать арабской вязью. Услышав своими ушами русскую речь, которую я без запинки читал по-арабски, я был в восторге и посчитал себя уже русским.

Заставив несколько раз прочитать написанное, он удовлетворенно кивнул, и мы отправились обедать. После обеда Борис отправился по делам посольства, а я сел переписывать свой меморандум, тщательно выводя русские буквы на слух. Из моего сочинения послу станет известно, что хаким Осман был давний короткий приятель моего отца, с которым он служил падишаху в одной из войн. И что после продажи цирюльни хаким взял меня своим помощником. Еще я добавил, что, работая брадобреем, я заимел в Багдаде кучу дру-

зей и почитателей, и готов выполнять любые приказы его светлости графа посла.

Борис, придя вечером в караван-сарай и прочитав мои письма, немало удивился моей смекалке, взял чистый лист и переписал все это правильно по русски, с добавлением различных эпитетов в обращении к его превосходительству и так далее. Мой меморандум, переписанный Борисом, был милостиво принят, и меня зачислили на специальную секретную службу в пользу его величества царя Николая.

Так как заданий я пока не получал, то подумал, что неплохо было бы обновить дружбу с мирзой хакимом. Я набрался смелости и пошел в этот дом, который связан был с моими первыми любовными страданиями. Увижу ли я Айше? Захочет ли она после всего видеть меня? К моему удивлению, хаким встретил меня с большим почетом, усадил на почетное место и сам стал прислуживать, называя меня «мой господин», «на ваш глаз», я «ваш покорный слуга и прочее». Вначале я подумал, что это просто знак уважения к моему посольскому назначению, но через несколько минут любезностей я понял, чего от меня хочет этот хитрый лис. Все оказалось просто. Зная мою способность завоевывать друзей будучи брадобреем или помощником хакима, мирза различными увертками привел меня к мысли, что, работая в посольстве России, я все равно остаюсь персом и подданным падишаха. И кровопроливец будет только рад, зная, что его соплеменник, его подданный, может докладывать падишаху

через его доверенного – мирзу Османа, обо всем, что творится у русских. Сметнув, что в этом случае я смогу одним выстрелом убивать срезку двух зайцев, я напустил на себя серьезный вид и постарался выторговать у мирзы подарок для себя.

– Машаллах, мой господин, – стал юлить мирза Осман. – Какие могут быть расчеты для службы шаху? Это надо почитать за честь, и вся Османия готова лечь костями, чтобы услужить государю...

– Я не могу препятствовать населению империи служить шаху более усердно, чем это может сделать ваш покорный слуга, – сказал я, сложив руки в молитве.

Видя, что меня не проймешь на патриотизме, мирза хаким согласился: «Я знаю, что может побудить вас усердно служить шаху». Он вышел в хельвет и через минуту привел под мои очи... Айше.

– Вот ваша награда, ага. Хотя я иду против адата и могу быть наказан за то, что потакаю незаконным любовным связям, но служба шаху превышает всего. Думаю, впоследствии я смогу вымолить у Аллаха прощение за это.

Сердце мое отчаянно забилося при виде предмета моей первой любви. Я взглянул на Айше, и увидел холодок в ее глазах. Внутри у меня все перевернулось. «Значит, любовь прошла? – подумал я первым делом. – Зачем тогда все эти попытки стать двойным агентом, работая и на шаха, и на русских? В любом случае, когда это раскроется, меня ждет или

зиндан, или тюрьма в России. А если раскроются наши тайные встречи с Айше, меня ждет неминуемая смерть. Так что выбирать?»

Айше была без покрывала, и я видел ее опущенные глаза. «Надо решаться, – подумал я и сказал хакиму Осману: – На ваш глаз, ага, я согласен».

Сделка совершена. Осман вышел куда-то, и я кинулся к своей Айше. Осыпая ее лицо поцелуями, я спрашивал тысячекратно, помнит ли она меня? Любит ли? Айше молчала, только глаза ее наполнились слезами. Хаким вошел, и мы отпрянули друг от друга.

– Я буду давать Айше поручения в городе два раза в неделю, – сказал Осман. – Она будет приходить, и вы будете давать ей письменные уведомления о том, что происходит в русском посольстве. Иногда она будет приносить бумаги с вопросами, на которые вы сможете отвечать. Вам следует снять квартиру в городе и договориться о времени встреч. Это должно быть секретно, чтобы русские ничего не заподозрили.

Проговорив это, хаким отправил Айше обратно в хельвет. Я тоже попрощался с мирзой и вышел, тяжело вздохнув.

Зайдя в близлежащую кофейню, я заказал себе кофе и стал обдумывать ситуацию, в которой я оказался, по милости Аллаха. Недаром меня зовут Юсуф Бендер ибн Ибрагим. За двумя глотками крепчайшего кофе я мигом нарисовал себе картину того, что может произойти. Проследив

за Айше, любой филер из шахской резиденции может захватить нас на месте и, обвинив в прелюбодеянии, подвергнуть и Айше, и меня жестоким пыткам, а может, и смерти. Проследив за мной, российские сыщики могут, в свою очередь, захватить Айше с бумагами, которые я буду передавать хакиму о деятельности русских. Тогда мне и тут не отвертеться, и русские сыщики отправят меня в тюрьму в самой России за шпионаж в пользу Османской Империи. Открыто приходиться в дом мирзы хакима тоже нельзя. Узнав об этом, русские сочтут, что Осман сознательно снабжает меня ложной информацией, и могут отказаться от моих услуг, что приведет к потере интереса хакима к моей службе в посольстве. Тогда надобность шаха во мне отпадет сама собой, и мне останется лишь заново осваивать профессию брадобрея.

Мои горестные размышления прервала стая голубей, которые слетались за крошками со столов посетителей. Я приметил крупного самца, который настойчиво кружил возле голубки и в конце концов ее получил. Не удовлетворившись одной, голубь стал обхаживать другую голубку из прилетевшей стаи. Я стал внимательно наблюдать за поведением птиц и заметил, что птицы без стыда время от времени совокупляются на глазах у прохожих и самой стаи. И тут меня осенило, Машаллах. Я наскоро помолился Аллаху за совет, который он дал мне в образе птиц, и мне стало понятно, как вести себя в этой запутанной ситуации.

Глава пятая

Я начинаю увлеченно работать на благо Империи и Великой России. Первые успехи в изучении русского языка. Шпионская сеть имени Юсуфа Бендера. Откровения старого хакима.

Первое появление Айше было полно слез и клятв. Каюсь, и у меня накатились слезы, видя бесправное положение девушки в гареме бану, главной жены хакима Османа-аги. Квартуру для наших тайных встреч я выбирал тщательно, продумывая на всякий случай и пути к отступлению. Квартура была на втором этаже в районе, где в основном жили неверные: армяне и европейцы, национальность которых мне пока установить не удалось. В квартире было два выхода. Один центральный, а другой, видимо, пожарный, выходил на железную лестницу и раздваивался на крышу лавки мясника и на крышу торговца одеждой. Далее нужно было спускаться через одну или другую лавку, чтобы оказаться на земле или внутри помещений. Все они были перекрыты огромными замками, видимо, для неверных, потому что правоверные не позволят себе обмануть Аллаха, покусившись на чужое добро. Приятно, что деньги на квартиру я получил и от шаха, и от русского царя. Ни один, ни другой не догадывались, что оплачивают расходы дважды.

Устроившись в квартире, когда стемнело я пробрался по железным лестницам и обильно смазал замки маслом, чтобы те не издавали звуков. В лавке старьевщика я купил целую связку разных ключей, среди которых, возможно, были ключи нужных мне размеров. Подготовившись таким образом, я на вырученные деньги купил себе простой костюм и поношенные штиблеты. Кроме прочего, у того же старьевщика я купил одеяние перса, чтобы не отличаться от остальных правоверных. Осталось лишь одно: организовать собственную шпионскую сеть для пользы шаха и царя. Первым, кого я постарался убедить поработать для службы шаху, был мой приятель детских игр, охранник караван-сарая возле ворот Аль-Вастани, Мамед-оглы. За кальяном и крепким кофе Мамед обещал мне передавать разговоры прибывающих в Багдад погонщиков лошаков и верблюдов, количество караванов и их состав, и рассказывать обо всем, что может заинтересовать шаха. Мамед с радостью согласился, и мы скрепили наш договор, выкурив трубку крепчайшего табаку, и на том расстались.

Так в течение пары недель у меня появилось несколько осведомителей, данные которых я регулярно приносил в русское посольство. Вначале мне казалось, что это не может заинтересовать Бориса, который был моим прямым набом, но, как оказалось, граф фон Готлиб высоко оценил мои доклады о том, что делается в Багдаде и в той части Османской Империи, откуда прибывают правоверные, туристы и просто

искатели приключений, проходящие сотнями через ворота Багдада. Конечно, посольству было не безынтересно знать, что делается в ближайшем окружении шаха, но на это счет мирза хаким, хитрый лис, хранил глубокое молчание. Пришлось воспользоваться услугами Айше. К сожалению, сама Айше бегло разговаривала на нескольких языках, в том числе и на русском, но совершенно не знала грамоты и не могла прочитывать ни одного слова. Как она сама признавалась, цыганам это было ни к чему, а сама она не имела к этому желания.

Я уговорил Айше в тот час, когда у хозяина бывали гости, внимательно запоминать все, что говорилось за столом, даже обрывки разговоров. Айше, чистая, воровская душа, еще не испорченная предательством, буквально слово в слово докладывала мне, кто присутствовал при разговорах и о чем они велись. С ее слов я записывал это на фарси и вручал Борису. Тот, в свою очередь, отбрасывал ненужное, выбирал самую суть и уже по-русски доводил это до сведения его превосходительства. По мере успешной работы я получал неплохое жалование, плюс расходы на свою сеть информаторов, и мог делать небольшие подарки Айше, чему она была несказанно рада. Правда, приносить подарки в дом мирзы было небезопасно, так как бану регулярно проверяла вещи своих служанок. Поэтому Айше наряжалась в моей квартире, в таком виде выходила по пожарной лестнице на другую сторону улицы и, не боясь быть узнанной, бродила по Багда-

ду, наслаждаясь свободой.

Мирза Осман частенько передавал через Айше вопросы, которые нужны были шахскому дивану, для понимания, о чем думают в русском посольстве. Заходя иногда в свой «форин-офис», я подбирал нужную информацию и, добавив туда несуразности, так же через Айше передавал это Осману. Айше в принципе не догадывалась, что за переписку я веду. Как-то на вопрос, что я написал мирзе Осману, я отшутился, говоря, что это просто известия из России по поводу состояния дел в Санкт-Петербурге, о восстаниях и стачках, не упомянув при этом, что такую информацию люди шаха могу прочитать в любой газете. Айше этого было достаточно, и она больше не задавала вопросов.

В минуты отдыха после нашей близости Айше обучала меня русскому языку, удивляясь моим успехам и основательно работая над моим произношением, особенно над гортанными звуками фарси. Однажды, придя позднее нее, я застал Айше за перерисовыванием моего очередного доклада Борису, сделанного уже по-русски. Это были донесения моих информаторов, которые я тщательно просеивал, чтобы отобрать полезное. Увидев ее работу, я понял, что это может быть провалом, и впредь старался не оставлять Айше одну и тщательно прятать все документы.

В один из дней, гуляя по Багдаду в свободный час, Айше привела с собой незнакомую даму. Она представила ее как мадам фрау Шнетке, с которой она познакомилась в ан-

глийской кофейне. Как оказалось, Айше могла разговаривать и на баварском диалекте, на котором разговаривают немцы. Айше представила меня как своего мужа, работающего в русском посольстве. Фрау Шнетке попросила Айше познакомить ее с мужем, потому что она очень интересуется тем, что происходит в России. Толмачом была Айше, которая старалась перевести слова фрау на фарси, в некоторых случаях употребляя русский.

У фрау Шнетке муж, офицер немецкой кайзеровской армии, несколько лет назад погиб на фронте. Она живет одна, имеет множество знакомых среди жен офицеров, и ей хотелось бы знать обо всем, о чем не пишут в газетах про Россию. Мы посидели, разговорившись, примерно полчаса, и фрау Шнетке засобиралась домой. Айше, переодевшись в персидское платье и накинув на голову хиджаб, тоже покинула квартиру. Я тут же сел и написал донесение в российское посольство о том, с кем мне удалось познакомиться. Единственное, что я утаил – что встречу организовала моя любовница, потому что признаться Борису в ее существовании значило бы признаться и в услугах, которые я оказываю шахской секретной службе, работая на русских.

Обнаружив, что я завёл знакомство с женой немецкого офицера, что может принести дополнительную информацию разведке падишаха, я решил продать ее и мирзе Осману. Одевшись в персидскую одежду, чтобы не привлекать к себе внимания, я отправился в гости к хакиму.

Османа дома не оказалось, и на пороге меня встретила ханум. Увидев меня, она страшно рассердилась, стала кричать, что я своим поведением мешаю ее мужу, хакиму Осману, служить образцом веры и благочиния для падишаха. Удивившись такому приему, я попытался оправдаться перед ханум. На это она сказала, что я подлый развратник, и что она не раз посылала своих служанок проследить за Айше: куда Осману-аге вздумалось ее отправлять по делам без ведома ханум. Служанки донесли, что Айше ходит на тайные свидания к бывшему помощнику лекаря Юсуфу, которого год назад ага прогнал со двора с позором. Ей придется наказать служанку и запретить Осману-аге заниматься сводничеством, за деньги, которые вы ему даете.

Слушая это, я удивился. Оказывается, это я приплачиваю мирзе за право развращать невинную служанку Айше, в которой бану, ее хозяйка, души не чает! Она поведала, что сама Айше ей все рассказала и дала обещание больше никогда не приходить ко мне тайно.

Я нутром понимал, что ханум толком ничего не знает и пользуется только слухами. В Коране написано, что женщины – это безмозглый пол, который, не достоин сидеть в присутствии мужчины. Но ее высказывания меня насторожили.

Я решил подождать снаружи мирзу хакима и вышел из дому, не сказав ни слова в свое оправдание. Ждать мне пришлось недолго, и хаким Осман на белом осле появился в кон-

це улицы. Спешившись и помолившись в сторону Мекки, Осман-ага передал осла работнику, и осведомившись про состояние моего кейфа, пригласил меня зайти в дом. В ответ я коротко изложил содержание моей беседы с ханум, на что Осман с осторожностью сказал:

– Женщины – безмозглый пол, способный вывести из себя самого Аллаха, да не уменьшится никогда его тень. Я ей твержу, что на службе шаха нельзя брезговать ничем, чтобы услужить властителю наших душ, а у нее в голове только прелюбодеяния и наставления на путь добродетели. Ситуация в Османии такая, что Англия вот-вот кинется воевать с нами. Падишаху ее не одолеть. Мы все станем, по воле Аллаха, менее чем грязь, да провалятся англичане в самое дальнее отделение ада. И жизнь шаха не будет стоять и седла моего осла. Ханум не дано этого понять. Ей невдомек, что будет со всеми нами, когда придут англичане...

Слушая эти речи, у меня в голове уже складывалось очередное донесение посольству России о том, что думают в шахском дворце. Прервав раздумья вслух моего бывшего хозяина, я рассказал, что познакомился с женой покойного германского офицера, которая сама жаждет иметь знакомство со мной. При этом я утаил, что с аналогичным посланием я намерен прийти к русским.

– Это хорошая весть, Юсуф, – обрадованно проговорил Осман. – Это известие как раз в тему, и хотя мне и не хочется нарушать наши мусульманские устои, но открой уши, я по-

ведаю тебе, как близкому и преданному слуге шаха, как мне удаётся в таком случае иметь власть над всеми этими бошами, неверными, с которыми я вот уже почти год имею дело.

Глава шестая

Откровения старого прохиндея. Я понимаю, что мне еще многому надо учиться, чтобы стать настоящим шпионом. Прощание с Айше. Неожиданная кончина графа фон Готлиба. Я избегаю большой опасности. Отъезд посольства в Россию.

– Неверные, да провалятся они в ад, не имеют понятия о супружеской верности, и о прямом влиянии Аллаха на отношения между мужчинами и женщинами. Для мусульман – это адат, закон правоверных в отношениях семьи. Мужчине допускается иметь несколько жен, наложниц и рабынь, если его не удовлетворяет плодовитость первой, основной жены.

Я молча кивнул, слушая, что каким скажет далее. В свои двадцать с лишком лет я был прекрасно осведомлен о правах мужчин, приверженцев Аллаха.

– Но неверные, – продолжал Осман, – это такое племя, что как увидят сучку, то мигом подлетают к ней и выются вокруг, источая лесть и дары, чтобы ее заполучить. У них нет понятий верности, наподобие мусульман. Наверное, тебе часто приходилось видеть на улицах и во дворах Багдада собачьи свадьбы, где кобели устремляются вслед за сучкой, устраивая грызню и лай? Так и неверные в своей погоне за удовольствиями готовы перегрызть глотки друг другу,

стреляются из-за них, опровергая законы шариата о верности женщины одному мужчине.

Видя мое скучающее лицо, хаким Осман продолжал.

– Не торопитесь, ага; дело, которое я хочу вам рассказать, не имеет быстрых решений. Речь идет о восполнении нравственности в рядах неверных, коих тьма, и все они, по воле Аллаха, будут гореть в аду. Мусульманский закон разрешает иметь несколько жен даже на самый краткий срок. Поэтому я решил помочь неверным не попасть в ад, и всех желающих совокупляться – даже временно, – освящать узами краткосрочного брака, согласно адату.

Тут до меня дошло то, к чему хаким мне рассказывал очевидные положения веры. «И действительно, – думал я. – В Багдаде десятки домов распутства, где обитают сотни красоток легкого поведения. Даже правоверные втихаря пользуются этими дамами, не говоря уже о неверных. Кроме прочего, дамы, жены чиновников посольств, с удовольствием сменили бы на время своих надоевших мужей на горячих мусульман или даже на другого мужчину, который льстиво смотрит в глаза и намекает на свидание».

Мои мысли побежали быстрее молнии. «То есть, – думал я, – всех желающих временно вступить в связь тайно, без огласки, можно по законам шариата, в присутствии муллы, обвенчать даже на самый короткий срок, и они уже вроде не подпадают под закон „соблюдения благочиния“ в Багдаде. Здорово! Более того, можно предоставлять им квартиры для

свиданий, за что тоже можно брать изрядный куш. Не говоря уже: за сам процесс бракосочетания и тайну...»

Хаким давно уже закончил свою речь и удивлено смотрел на меня, а мои мысли блуждали где-то поверх наших голов.

– Что вы на это скажете, ага, – вежливо осведомился Осман?

Я решил поднять себе цену, укоризненно посмотрев на хакима.

– А где же тут служение падишаху? Как расценить ваши слова, ага?

Осман немного смутился, но продолжил убеждать меня.

– Поймите, Юсуф, душа моя, правление шаха закончится, может, через год, а может – и раньше. Шах уйдет на покой. Не думаю, что англичане осмелятся убить его или заточить в тюрьму. Ему предоставят дворец с наложницами и богатствами, а мы, его преданные слуги, будем мыкаться в поисках жизни, оставшись без денег и поддержки. В деле, о котором я рассказал, мы с вами, Юсуф, будем делить и ответственность, и деньги пополам. Я давно присматриваюсь к вам, и даже, как вы понимаете, разрешил, вопреки требованиям Корана, встречаться с одной из моих служанок. Я закрываю глаза на то, что происходит за закрытыми дверями вашей квартиры, хотя вам обоим грозила бы смертельная кара, узнай об этом управляющий благочиния.

– А я думал, – перебил я слова мирзы, – что служу верой и правдой нашему господину, и он своим могуществом по-

крывает наши встречи, которые носят чисто деловой характер.

Я покривил душой лишь немного, желая рассказать хакиму Осману то, что я услышал от его ханум, посылавшей своих служанок проследить за Айше. Осман выслушал меня и дал такой ответ.

– Юсуф, да не уменьшится никогда ваша тень на земле, ханум ничего не знает, а лишь предполагает, что тоже похвально. Ее служанки уже включены в мою деятельность и приходят регулярно в специальный дом, в котором из-за перегородки наблюдают за ними неверные и правверные, чтобы сочетаться браком на короткое время. Ханум сама не подозревает, что она является участником моих дел. Все они, даже черная служанка, имеют своих постоянных ухажеров, и с удовольствием рассказывают ханум о том, как и когда они застают Айше в квартире на втором этаже дома, владельцем которого являюсь я сам.

Это известие поразило меня больше, чем предположения ханум. Так значит, я, не зная того, снял квартиру в доме, который принадлежит Осману-аге? Так значит, за нами следит весь дом? И каждый жилец может с точностью свидетельствовать о том, что за встречи происходят за стенами нанятой мною квартиры? Размах деятельности хакима привел меня в шок. «Зачем тебе сеть шпионов типа меня? Ты же просто играешь со мной в кошки-мышки», – подумал я, посмотрев на Османа с уважением и почтением. Этот невзрач-

ный с виду перс, показал мне, как нужно действовать в деле получения денег, добывания сведений, и как прятать концы в воду.

Осман дружески похлопал меня по плечу.

— Успокойся, душа моя Юсуф. Вся деятельность моя для шаха поставлена на то, чтобы заработать себе деньги на существование. Думаешь, значительно то жалование, которое дает шах, который, в свою очередь, экономит свои деньги, рассчитывая, что звание главного лекаря его милости, да продлит Аллах его годы, позволит мне привлечь множество прочих больных, приносящих плату за лечение? Мне действительно нужен расторопный человек, которому можно без утайки доверить то, что я тебе рассказал. Зная тебя, не думаю, что ты побежишь во дворец и расскажешь об этом визирям или полицейским. В этом и есть твой главный плюс. Я хорошо знаю людей и давно понял, что ты только из чувства достоинства и чести будешь молчать даже под пытками...

Я был поражен! Как Осману удалось раскусить мою натуру? Действительно, зная себя, я даже не мыслю предать человека, доверившего мне свою тайну, хотя без зазрения совести могу обштопать дельце, приносящее мне прибыль. Мы попрощались, и Осман-ага пожелал мне хорошенько обдумать его предложение, а напоследок намекнул, что он знает о том, что мне рассказывает Айше, когда у него собираются гости. И что все донесения о том, что делается в шахском

дворце, он предварительно репетирует с Айше, выбирая то, что нужно говорить мне в посольстве. С этим напутствием и тяжёлой головой я отправился к себе на квартиру, задавая себе вопрос: а стоит ли преуменьшать способности восточной дипломатии в деле нравственности в политике?

Зайдя в посольство, я оставил в секретной части сообщение о знакомстве с фрау Шнетке и о последних данных Айше, рассказавшей мне о гостях дома хакима Османа. Я понимал, что дальнейшее общение с девушкой превратится лишь в обычные свидания, без всякой пользы для меня в деле политики. Я всерьёз думал переключиться на фрау Шнетке, где видел перспективу не только в деле шпионажа в пользу России и Османской Империи, но и в деле личного обогащения, красиво расписанного Османом.

Последняя наша встреча с Айше была очень лирической и полна слезами и признаниями. Несмотря на ее гибкий и прагматичный ум, Айше всё же оставалась женщиной, со своими эмоциями и привязанностями. Я рассказал ей, что ханум выследила нас и может пожаловаться хозяину, так что могут быть проблемы с департаментом управления благочиния. Тем более, что у наших встреч нет будущего. Она – собственность мирзы, а я рядовой служащий посольства.

Айше в слезах рассказала мне, что хаким требовал от нее не говорить того, что она слышала от гостей, и заставлял выучивать фразы и слова, которые никто в гостях не говорил. Она же передавала мне только то, что слышала от гостей,

и не пересказывала слов Османа.

— И тут он меня обыграл, — подумал я с тоской, но решение принято, и одного из своих шпионов я лишился. Жаль, конечно, упускать совмещение приятного с полезным, но ничего не поделаешь. Откровенное признание Османа доказало, что Айше выступает, как двойной шпион, сама не подозревая о своем «коварстве», думая, что это лишь любовные свидания под прикрытием каких-то мужских дел. Мы расстались, и я пообещал чаще приходить к Осману, чтобы изредка видеться.

Айше благополучно распродала все подарки, которые она получала от меня, выручив за них живые деньги. И более или менее удовлетворенная побежала в дом хакима для новых приключений, ни о чем более не заботясь. А главное, стараюсь не раздражать более ханум и не навлекать на себя беды.

Следующее, что я хотел сделать — это сменить квартиру в доме, принадлежащем Осману, на более безопасный вариант. Нечего было и думать, чтобы устроиться поблизости от шахских ворот, хотя там было полно пустующих домов. Поэтому я переехал через Тигр и нашел себе недорогую квартирку в доме с одной хозяйкой, подслеповатой неверной, бегло говорящей на каком-то русском наречии. Мы поняли друг друга. Она показала мне комнаты наверху и сказала, что я выгляжу почти как настоящий мусульманин. Благо, я был в светской европейской одежде, и она сначала признала во мне русского. Немало подивившись моему превраще-

нию в неверного, я подумал, что это скорее всего, к лучшему, — для моего дальнейшего сближения с фрау Шнетке.

Забежав на старую квартиру, я взял записку, написанную для мадам Асии Бендер (так Айша называла себя), с приглашением посетить английскую кофейню в один из ближайших дней.

Так как этот день настал, я, принарядившись отправился в английский клуб. Фрау Шнетке, как все проницательные женщины, с первого раза распознала, что Айше не моя жена, а в лучшем случае содержанка или любовница. Рассказал фрау, что я теперь обитаю за Тигром. Она развеселилась и сказала, что там, в тех трущобах, ее никто не найдет.

«Для знатной дамы дома и квартиры на той стороне Тигра считаются трущобами, — подумал я. — А как насчет караван-сарая „Империял“, где мне пришлось прожить некоторое время с Борисом? Или это тоже называется трущобами?»

Фрау Шнетке не успела ответить, как ее окликнула какая—то знакомая, сидящая за соседним столом в окружении нескольких мужчин. Наш разговор с фрау Шнетке представлял из себя беседу слепого с глухим. Она знала несколько слов по-русски, несколько фраз на турецком и фарси, и мы весело смеялись, не понимая друг друга. Фрау Шнетке была немного старше меня, но мне это не мешало строить ей глазки и выразительно на нее поглядывать. Женщина, окликнувшая фрау Шнетке, подошла к нашему столу и бесцеремонно

села на свободный стул. Оказалось, что она прекрасно говорила по-турецки. Этот язык внешне похож на фарси, и многие персы его прекрасно понимают.

Фрау Шнетке немного поджала губы, но представила свою знакомую: «Фрау Бисмарк, дальняя родственница германского премьер-министра». Фрау Бисмарк легко стала общаться со мной, немного отодвинув в беседе фрау Шнетке. Она подала мне свою карточку, на которой я ничего не смог прочесть, но фрау Шнетке сказала, что эта фрау – супруга его превосходительства главы департамента германского посольства. Я бы мог и дальше привлекать внимание господ, сидящих в английском клубе, но понял, что нельзя пересиживать, и коротко распрощавшись, вышел на улицу. Фрау Шнетке проводила меня до коляски, которая дожидалась снаружи, и довольно холодно распрощалась со мной. Я понимал причину холодности и задержал ее руку в своей. Она не отдернула её, но холодность в её глазах не исчезла. Я назвал свой новый адрес и попросил её в ближайшее время меня навестить. Она ничего не ответила и исчезла в клубе.

Так, за всеми эти перипетиями, связанными с переездом, прощанием с Айше и прочими делами, я несколько дней не был в посольстве. Приехав, я обнаружил приспущенные флаги и траурные ленты в главном зале. Борис пояснил мне, что его шеф граф фон Готлиб неожиданно скончался, и посольство готовится к тому, чтобы доставить тело покойного в Санкт Петербург. Эта весть опечалила меня, потому что

за время моей работы у русских я стал немного понимать политику и цель работы большого количества людей, связанных с постоянными докладами русскому царю о ситуации в Османской Империи. Граф фон Готлиб дружески ко мне относился и при встречах в коридорах посольства иногда останавливал меня и спрашивал, нашел ли я уже свиную шкуру, в которую меня завернут, если узнают, что я предатель. Высказав это мне, он громко смеялся и шел дальше. Понимая, что это просто шутка, я все равно стремился к осторожности и старался не привлекать к своей особе внимания ни на улицах, ни дома. Хаким Осман преподавал мне яркий пример того, как работают филеры, устраивая слежку за кем-то.

Все посольство было в трауре, и Борис даже отказался общаться со мной, сославшись на головную боль. Мне ничего не оставалось, как ехать на квартиру. По привычке я дал вознице мой старый адрес, и тот привез меня к дому, который целый год был моим убежищем для встреч с Айше и для моей деятельности, как двойного шпиона Османии и России. Перед домом я увидел непонятную толпу и несколько полицейских, просеивающих народ сквозь какого-то «чинушу», опрашивающего по одному это сборище. На всякий случай я, не останавливаясь, проехал мимо и перевел дух, лишь повернув за угол. Отправив возницу разузнать в чем там дело, я постарался успокоиться и обдумать, что могло привлечь полицию в этот дом?

Возница вернулся через несколько минут и сообщил, что шахская полиция ищет какого-то жильца, тайно встречавшегося в этом доме, с замужней женщиной. На этот след полицию навел чей-то анонимный донос Виновницу уже арестовали, и она дает показания в полиции нравов, а за мужчиной установлена слежка. Еще говорят, что этот человек был тайным осведомителем германского посольства. В его квартиру часто приходила какая-то дама под вуалью, связанная со шпиками из Германии и Англии.

Вначале я подумал, что эту информацию могла подбросить в полицию ханум, жена Османа-аги. Но вспомнив, что она не знает грамоты, усомнился и понял, что это, скорее всего, фрау Шнетке. Какие были у нее мотивы – не знаю, но по глупости я сам дал ей свой новый адрес, и стал опасаться, что и там меня может ждать проблема. Конечно, принадлежность моя к русскому посольству может сыграть свою роль, но служба в тайной канцелярии посольства будет для меня навсегда закрыта, и я вновь окажусь на улице – без должности, без квартиры и без средств. Более того, неизвестно, что может наговорить Айше, если к ней применят пытки. А затея с хакимом стала вообще выглядеть устрашающей. Вряд ли в таком случае я смогу принести ему пользу и заработать деньги благодаря женитьбам мужчин на замужних женщинах на короткий срок. Но в квартире за Тигром есть мои вещи, и если там проведут обыск, то, естественно, найдут мои связи и с русскими, и с Османом. Неизвестно,

как поведут себя шахские следователи, уличив меня в предательстве.

Я приказал вознице повернуть к посольству и вышел, задумавшись над своей судьбой. В посольстве меня ждал новый удар. Там уже утверждена делегация, которая доставит тело покойного графа фон Готлиба в Санкт-Петербург. Главой этой миссии назначен Борис, который по дружбе включил туда и меня. Я ужаснулся! Меня, правоверного мусульманина, хотят отправить в логово отцов неверия, то есть в «Эвропу», где меня, несомненно, убьют или посадят в тюрьму. Хотя внешне я стал похож на неверного и по одежде, и по повадкам, и довольно хорошо говорил по-русски, в душе я оставался персом, мусульманином, который, по воле Аллаха, желает всем неверным попасть в ад. Единственная правильная мысль посетила меня в тот злосчастный день – пойти к моему приятелю Мамеду-Оглы и попросить его съездить на другой берег Тигра, в мою новую квартиру, чтобы рассчитаться с хозяйкой и собрать мои вещи, сохранив их до моего возвращения.

Глава седьмая

Подготовка к отъезду. Последний взгляд на Багдад. План скорбного путешествия. Непредвиденные препятствия на нашем пути. Неожиданные известия.

Так как я оказался в западне, и мне некуда было идти, я снял номер в караван-сараяе «Империял» рядом с моим наибо́м Борисом. Борис, весь в делах, пропада́л день и ночь в посольстве, согласовывая, утрясая и запасаясь провиантом на все дни нашего предстоящего грустного путешествия. Он заказал специальный автомобиль до Дамаска и телеграфом вызвал из Севастополя военный корабль «Гремящий». Что означает это название корабля, Борис продемонстрировал мне наглядно. Он взял большую коробку, наложил в нее всякий скарб и потряс у меня над ухом. Я услышал только громо́хание вещей, которые Борис на́кидал в коробку.

– Юсуф, вот это и есть гремящий.

Из его объяснений мне стало понятно, что на корабле все его части будут при движении по Медитерра́нскому морю греметь, и нам целый месяц придется слушать весь этот грохот. Хорошо хоть на корабле есть специальная комната, куда во время битвы складывают тела убитых матросов. Там и будет находиться тело покойного графа фон Готлиба, возле которого будет постоянно находиться русский поп из церк-

ви святого Августина и медицинская сестра, на случай, если покойный фон Готлиб оживет, что часто бывает с теми, кто не попадает в рай. Я это знал еще с детских лет, когда на моих глазах ожил купец из тегеранского каравана, который умер, и которого какой-то хаким напоил зельем, а мulla уже прочитал поминальную молитву. Родственники купца были опечалены его неожиданным воскресением, потому что они уже разделили его имущество, находившееся в караване.

С телом покойного графа ехала его жена, мадам фон Готлиб, миловидная женщина, возраста примерно как фрау Шнетке. Покойный фон Готлиб был мужчина в годах, и молодая жена для него была хорошим подспорьем в дипломатии. Она владела несколькими европейскими языками и, естественно, персидским. Была хорошо образована и в свое время закончила Смольный институт в Санкт-Петербурге. Фон Готлиб, поговаривали, стрелялся из-за неё на дуэли и выстрелил противнику прямо в лоб. Его жена, госпожа графиня фон Готлиб, по имени Жанна, на коленях уговаривала своего мужа пощадить молодого щеголя, писавшего ей любовные письма и посвящавшего ей стихи. Но Готлиб был неумолим. «Жена дипломата должна быть безупречна», – так говорил грозный муж, защищая честь своей жены. Поэтому, зная его крутой нрав, никто из мужского отделения посольства не смел даже смотреть на хорошенькую Жанну, которая, естественно, изнывала от своего положения: быть

первой статс-дамой в русском посольстве на востоке, не имея возможности, по своему положению сверкать в Европе.

Военный корабль, на который предполагалось погрузить скорбный груз, должен отплывать из порта Тарабулус, расположенного на самом краю морского побережья, и, объехав пол-Европы, – пришвартоваться в Кронштадте. Эти слова я выучил, чтобы не перепутать, во время стоянок в разных портах, где нам предстояло заправляться водой, топливом и провиантом для матросов. Борис сказал, что всё путешествие займет примерно месяц. Похоронив графа, получив новые указания и новых служащих посольства, можно будет выехать обратно.

Не буду утомлять читателя приключениями делегации на суше, где большой черный, автомобиль под названием «катафалк» доставил нас по пыльным караванным дорогам в порт близ Дамаска. В составе делегации было шестнадцать человек, из которых мужчин было всего семеро, не считая покойника. Все мы разместились на четырех автомобилях, не считая катафалка, в котором ехал граф фон Готлиб. Там же ехала его супруга Жанна и медицинская сестра по имени Сара. По дороге всего лишь четыре раза нам пришлось остановиться из-за поломок наших машин и один раз из-за странного приключения.

Один раз – это было глубокой ночью, и я хочу остановиться на этом случае подробнее. Катафалк ехал в середине делегации, пропуская две машины впереди и две сзади. Доро-

га освещалась лишь светом автомобильных фар. Была видна только караванная тропа, как вдруг из кустов выскочил отряд всадников в черных папахах и встал поперек дороги. Нам пришлось остановиться, и Борис вышел из головной машины, разобраться, что к чему. Оказалось, что это летучий отряд курдов-ваххабитов, подстерегающих и грабящих караваны. Борис имел беседу с главарем ваххабитов, и тот поведал, что по всему тракту уже прошла весть, что русские везут тело своего умершего в Багдаде царя, приехавшего убить падишаха Османии. За это Аллах лишил его жизни и отправил его душу в преисподнюю. Ваххабиты хотели бы взглянуть на русского царя, потому что, по поверью курдов, если курд, находящийся при смерти, приложится к телу русского царя, то сам в тот час, став русским, больше не будет подчиняться Аллаху и после смерти сразу попадет в рай, где его будут ублажать семьдесят две гурии.

Борис изумился такому изложению свойств Аллаха, который разрешает курдам-мусульманам избежать суда самого Аллаха, так что они сразу, минуя созерцание Всевышнего, идут развлекаться с девственницами. Он сказал в назидание курдам, что, создавая правоверных мусульман, в том числе и курдов, – вряд ли Аллах знал, что на свете существуют русские; и кроме русских, на земле полно других неверных, имена которых Аллах не вспомнил. Главный ваххабит не стал вдаваться в полемику и сказал, что делегации придется отдать умершего для проверки того свойства Аллаха, ко-

торым утверждается, что даже на смертном одре курд, прикоснувшись к неверному, сможет избежать суда Аллаха. Борис вернулся к машинам и созвал совет, на котором присутствовали все шестнадцать участников экспедиции. Женщины по своему обычаю стали громко кричать, что не позволят грязным ваххабитам дотронуться до тела покойного графа Готлиба. Присутствующий в составе делегации русский врач, согласился пойти и посмотреть на больного, находящегося при смерти, желающего прикоснуться к телу покойного «русского царя». Я вызвался проводить врача в стан курдов и попытаться договориться о том, чтобы привезти больного к катафалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.